

Последний день

Илья Поцелуев

12+

Илья Поцелуев

Последний день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66977878

SelfPub; 2021

Аннотация

Бессмертие – чудесный дар или кара, на которую людей обрекала природа? Живущие вечно, они хранят в себе привычки давних лет и не хотят ничего менять: "Прогресс? Зачем?"

Но кто-то из них не может смириться с вечным циклом существования. Что таким остается?

Выход из цикла.

Содержание

1	4
2	17
3	29
4	42

Илья Поцелуев

Последний день

1

В комнате стоит ватная тишина. Окна и двери закрыты, батарейка из тикающих настенных часов вынута – время давно не существует. Занавески не пускают яркий солнечный свет, но отголосок его все же проникает сюда, поэтому в комнате стоит не мрак, а лишь полумрак. На кровати спит человек. Грудь его мерно поднимается и опускается от бесшумного дыхания. Ему ничего не снится: глаза под веками неподвижны, ни один мускул в его организме не напрягается без физиологической необходимости. Неслышный, но чрезвычайно чистый стук сердца.

Вдруг он открывает глаза. Тело по-прежнему спит, но в голове возникают образы, мысли, память о событиях давно минувших дней. В этом всем он забывает осознать себя, и целую минуту ему кажется, что все в порядке. Но почему не звонит будильник? Человек берет с тумбочки наручные часы с зелеными светящимися стрелками. Семь часов и пятьдесят минут. Он проснулся на десять минут раньше будильника. Человек мгновенно вспоминает, какой сегодня день.

Да. Он все решил.

Человека зовут Александр Оскалов, и ему сегодня исполняется ровно восемьсот лет со дня рождения. Юбилей.

Он встал с кровати, подошел к окну и широко раздвинул занавески. Свет ударил в глаза, стирая все только что появившиеся мысли. Саша постоял немного, следя за летними пешеходами, разодетыми так, будто идут на пляж – хотя до теплого моря здесь было две тысячи километров. Солнце уже поднялось из-за горизонта и грело все, до чего могло достать. Кожа ощущала его тепло, и сама светилась, отражая солнечные лучи.

Оскалов вернулся к кровати и аккуратно заправил ее. Тщательно взбил подушку, положил на место у изголовья. Потом пошел в ванную. Там он умылся, почистил зубы и снова постоял, рассматривая себя в зеркале. Лицо такое же, как всегда, ничуть не изменившееся за прошедшие годы, но глаза стали другие, пустые... Он отвернулся от зазеркального себя и осмотрел ванную так, будто не бывал здесь всю последнюю жизнь по несколько раз на дню.

Саша заметил, что ручка шкафчика, висевшего над раковиной, держится уже исключительно на взаимодействии атомов. Он пошел на кухню, налил себе стакан воды, выпил. Затем достал небольшой ящичек с вещами "первой ремонтной необходимости", взял оттуда водостойкий клей и вернулся в ванную. Вынул еле державшуюся ручку, обильно смазал ее клеем и вставил обратно – так-то лучше! Настроение даже как-то поднялось.

Затем он вернулся, убрал ящичек на место и начал готовить себе кофе. Кофейный запах наполнил кухню и пошел дальше по квартире, пробираясь в щели не до конца закрытых дверей. Обычно в такой момент Оскалов включал музыку, заслушанную до дыр. Но сегодня все шло не по плану, вместо музыки зазвенел забытый будильник. Саша, недолго думая, пошел в комнату, чтобы выключить его. Как только он нажал на кнопку, с кухни стало слышно громкое шипение. Оскалов двинулся обратно так стремительно, как только мог. Но было уже поздно – кофе залил всю плиту.

«Эх», – подумал Саша, перелил остаток в кружку и начал мыть плиту. После того, как он закончил и выпил то, что осталось от кофе, он сел на потертый диван и начал разглядывать комнату.

Что принято делать в такие дни? Наверное, вспоминать жизнь. Он напряг память. Хотелось вспомнить детство и тот мир, но почему-то не получалось. Когда жизнь по продолжительности сравнима с историей, при попытке вспомнить жизнь, вспоминается история. Обезличенная. Ну ничего, можно и так.

Сколько ему было, когда началось? Лет тридцать, быть может – это смотря откуда считать начало, но примерно так. То время кажется уже даже не прошлой жизнью, а чужой. Все было как-то совсем по-другому, нежели теперь, но как именно, представить не получалось. Зато отчетливо помнилось миг, когда изменение случилось, зафиксировалось – когда

он осознал произошедшее...

Первые слухи, как и любые другие новости, Саша узнавал тогда из картинок в Интернете:

«В Австралии появился новый неизвестный вирус»

И снизу приписка:

«Никогда такого не было, и вот опять»

Оказалось, что действительно не было. В первое время все это было похоже на очередную эпидемию. Симптомы обыкновенные и неприятные: у заболевших поднималась температура, ломило тело, нарушался иммунитет. Была даже смертность из-за других болезней, которым не мог противостоять ослабленный организм.

Наученные горьким опытом страны сразу же взялись бороться с распространением болезни: закрыли границы, ввели меры. Но заразность была крайне высокой: достаточно мимолетного контакта, пары сотен попавших на слизистую инфекционных агентов, чтобы произошло заражение. Мир замер в ожидании худшего – иного мы никогда и не ждали на самом деле.

Шло время, бороться с самим вирусом не удавалось, поэтому хотя бы облегчали симптомы – в развитых странах, могущих обеспечить своевременную госпитализацию всем заболевшим, смертность снизилась. И... даже стала меньше, чем до эпидемии. Статистические центры публиковали данные, по которым было ясно видно, что с момента первого заражения число смертей в стране начинало уменьшаться про-

порционально количеству заболевших. И так было везде.

Через год уже ходило название "Вирус бессмертия". У переболевших в организме обнаружили новые, только что созданные вирусом из других видов стволовые клетки. С помощью них организм человека залатывал дыры в тканях и заменял старые, плохо выполняющие свои функции клетки: морщины стягивались обратно, мышцы снова крепчали, возвращался слух. Одним словом – чудо...

Саша поймал себя за выполнением каких-то очередных рутинных, не имеющих никакого смысла занятий: зачем вытирать пыль в доме, в который не вернешься? Он посмотрел на часы: девять ровно. Назначено на двенадцать, но сидеть здесь ему больше не могло. Рутинная засасывала, давала ложное чувство значимости действий, усыпляла сознание. Надо было бежать отсюда – из этой колыбели существования.

Он оделся и насыпал коту, живущему вместе с ним уже не одну сотню лет, корма с расчетом на несколько дней вперед. Этого кота можно было вообще не кормить, так как он был синтетический – прислали дети. Кот ради приличия ел, но лоток всегда был сухой и пустой. Оскалов погладил его напоследок – кот замурчал. Саша выключил свет и вышел за дверь. Она лязгнула металлически – это было прощание.

Закрыв ее, сделав три привычных оборота. Затем по лестнице спустился в подъезд и положил ключи в свой почтовый ящик. Оттуда торчал белый уголок какого-то письма. Ключ

от ящика Саша отдал новому владельцу квартиры, поэтому послание пришлось вытягивать за краешек кончиками пальцев.

Конверт самый простой. Внутри рукописное открытое письмо. С обратной стороны его – праздничный торт с восемью свечами. Надпись:

«С днем рождения! Ты теперь уже большой!»

И красная восьмерка, к которой синей ручкой дорисованы два нуля.

В самом письме его поздравляла какая-то очень древняя подруга, которая ни сном ни духом не догадывалась о том, что происходит в жизни Саши, и виделись они с ней в последний раз лет пятьдесят назад. Но не поздравить она не могла: уж слишком значительная цифра. Остальные, наверное, прислали электронные письма, но телефон Оskalов выбросил еще вчера. Сказав в никуда: «Спасибо», он сунул открытку в карман и вышел из дома.

Было раннее лето. Голубое небо висело над зелеными деревьями, был слышен людской шум: разговоры, музыка, звонки велосипедов. Умиротворение; песня для тяжелобольного. Но это лучше, чем дома. Одному. Заведение, куда ему нужно было идти, находилось в трех километрах от дома. Так что трех часов времени было с большим запасом. И вместо прямого проторенного пути Саша решил обойти город дворами и переулками. Неспешная прогулка. Напоследок.

Чудо... А может, все-таки кара? Об этом вначале никто

даже помыслить не мог. Когда всем все стало ясно; когда даже в далекой холодной Гренландии был обнаружен этот чрезвычайно стойкий вирус; когда борьба с ним стала борьбой с бессмертием... Наступила всеобщая эйфория. Неизлечимо больные, не имеющие доступа к качественной медицине, люди, которые по всем статистикам не должны были протянуть и семидесяти лет, вдруг почти моментально стали здоровыми и... вечными.

Тогда мир был полон других, самых разных проблем: неравенство, загрязнение природы, войны... Все это никуда не делось и давало о себе знать еще долгие годы. Понимание того факта, что человеческая жизнь теперь не обязательно должна завершиться естественным путем, подтолкнуло население стран, ждущих всю жизнь лишь одного: смерти опостылевшего диктатора, на свержение тираний. Десять лет мир трясло из-за революций. Почти бескровных, ведь цена жизни действительно стала неисчислимой в любом отношении...

Люди были уверены, что бессмертие, которое они получили почти что даром, было достижением прогресса. Не потому, что многие верили в заговоры и считали, что вирус был искусственный – нет. Просто раньше никогда такого не было. За миллионы лет человеческой эволюции, за тысячелетия территориальной экспансии, за сотни лет мелких шагов в сторону познания мира – ни-ко-гда. И вот сейчас.

– Александр Семеныч! – крикнул кто-то.

Александр Семеныч повернул голову на звук, затем остановился. К нему спешил человек в солнечных очках и панаме.

– Александр Семеныч, здравствуйте! – с искренней улыбкой сказал человек.

– Здравствуйте, Аркадий Петрович, – Оскалов узнал в панамном человеке своего соседа по лестничной клетке.

– Поздравляю с восьмисотлетием! Желаю вам быть таким же счастливым и побольше проводить времени с семьей!

– Спасибо, – сказал ему в солнечные очки Оскалов.

– Александр Семеныч, вы знаете, сколько дней вы уже прожили? – все с той же улыбкой спросил человек.

– Даже представить не могу.

В очках поселился солнечный зайчик; с ним Оскалову разговаривать было легче, чем с вечно веселым соседом.

– Двести девяносто две тысячи сто девяносто пять дней – со всеми високосными и сегодняшним вашим днем!

– Вот спасибо, я и не догадывался, – Оскалов улыбнулся, но глаза были пусты.

– Ну ладно, – осадился сосед, – вы, наверное, спешите. Такой день все-таки.

– Да, дела.

– Ну вы к нам заходите, как будет время – поговорим.

– Хорошо, – сказал Саша.

Кивнул ему головой и быстрым шагом двинулся к ближайшему дому. Скрывшись бетоном от лучезарного соседского

взгляда, Оскалов сбавил шаг. Куда сейчас? К реке.

Тихие зеленые улицы. Повсюду трава, кустарники, плодородные растения. Чистый и свежий воздух. Мелькают дома: старые – почти ровесники Саши, новые – практически ничем не отличные от реставрированных старых. Люди: молодые и своей молодостью красивые. С виду не скажешь, в каком веке родились. И шаги, несущие Сашу во всем этом празднике жизни.

Жизни ли? Что такое жизнь на самом деле?

Уже в первый год после "осознания" число самоубийств взлетело до невиданных доселе значений. Многие люди, всю жизнь готовившиеся к смерти, к бессмертию были не готовы. Тысячи случаев повсеместно. Можно считать, что они были слабыми, что они не любили жизнь и не умели брать из нее что-то для себя. Но, возможно, среди них уже тогда были люди, понявшие все сразу, увидевшие для себя будущее на многие годы вперед. И это будущее им не понравилось.

Поначалу с ними боролись. Боролись все, в том числе природа. Появился новый штамм вируса, который активировался при чрезвычайном выбросе адреналина в организме и резко сокращал время деления клеток, ускорял метаболизм. Это делало человека практически неуязвимым при угрозе его жизни. Теперь прыжок с седьмого этажа не убивал, а лишь калечил человека. Он высыхал прямо на глазах, тратя все жизненные силы на выживание. Что, впрочем, тоже было некритично, так как восстановление занимало несколь-

ко дней – максимум неделю – после самых серьезных повреждений (при оказании своевременной помощи).

Но это никого не остановило. Люди, решившие свести счеты с жизнью, были готовы на многое. Буквальное уничтожение физического тела, истерзание его до такой степени, что никакие внутренние процессы уже не могли собрать его обратно. После случаев подобных самозверств все страны мира вписали в свои конституции "Право на смерть", вдобавок к на радостях введенному "Праву на бессмертие". Появились специальные центры, в которых умерщвление происходило более гуманно и не вызывало столь бурных реакций в обществе. И вроде все успокоилось...

Перед Оскаловым вдоль набережной шли двое и разговаривали о чем-то своем. Саше не хотелось и не было интересно подслушивать, но ветер дул с их стороны, и это получалось невольно.

– Погода сегодня – просто загляденье, – говорила девушка в розовом летнем платице, – Ты знаешь, можно будет еще вечером пройтись вон там.

Она показала рукой на другой берег реки с точно такой же набережной.

– Да, можно будет, – ответил ей парень в футболке и длинных шортах, – а погода, да, действительно прелестная.

Они помолчали немного, затем девушка спросила:

– Ты не знаешь, как там Инна?

– У нее все в порядке, – ответил парень, – она недавно

прислала мне видео, где они летают в каких-то горах. Там было название, но я не запомнил. Знаешь, я не очень силен в географии, а уж тем более Марса.

– Летают? – удивилась девушка, – Сами?

– Нет, ну что ты. На каких-то штуках непонятных – ума не приложу, как они без крыльев это делают. Может, там какая-то тяга вниз идет?

– Не знаю, а это не опасно? Так и расшибиться можно, – немного нервно спросила девушка.

Дальше Саша не слушал. Он свернул с набережной в сторону небольшого сквера, который из-за многовековых деревьев, густо растущих на его территории, в высоту казался больше, чем в ширину. Единственное, что Оскалов подумал по поводу парочки – это то, какой они раз уже гуляют в эту прелестную погоду по одним и тем же улицам? Сотый или тысячный?

Перед сквером Саша увидел двухместные деревянные качели – старые, как мир. Он подошел к ним и сел. Металлические цепи, которыми качели держались за П-образную опору, натянулись. Еле слышный скрип – то ли дерева, то ли металла. Отсюда был вид на реку и на тот берег. Но больше всего в этом виде было неба. Чистого – ни единого облачка. Оскалов выпрямил ноги и стал медленно качаться. Туда. Сюда. Туда. Сюда...

Также размеренно жизнь тянулась в те далекие годы. Постепенное, уверенное развитие. Деньги, сэкономленные на

здравоохранении, пошли в дело – миллиарды людей получили образование, позволившее им эффективно работать и счастливо жить. Экономика росла лишь из-за того, что люди тратили деньги, которые им давал этот самый рост экономики – замкнутый круг – пока даже в самый захудалый поселок не будет обеспечен всем, что может потребить (и еще немного сверху).

Отношение людей к жизни и смерти, сформированное многовековой культурой, стало постепенно меняться. Из чего-то далекого и маловероятного смерть превратилась в нечто невообразимое, невозможное и вообще вымышленное. Смерти ушли из кинематографа и литературы. Сериалы с многотысячными сериями, вечные актеры и авторы. Из года в год.

Уйдя из массового сознания, смерть захватила с собой и все, что было с ней связано. Религия пострадала больше всего: людям теперь больше не нужно было заботиться о бессмертной душе, им хватало забот о бессмертном теле. Философия, лишившись актуальности одного из самых главных вопросов, занялась другими, более сложными вещами: смысл жизни, я, познание бесконечности.

Жизнь же потеряла основную движущую силу, которая выражалась фразой: "завтра можешь не успеть". Теперь успеть можно было и завтра, и послезавтра, и через восемьсот лет, и, наверное, даже через миллион. А что успел он? С такой высоты лет жизнь казалась крошечной, неоправдан-

ной, но все же не пустой. Что-то было, было...

2

Мир качался: земля и небо не могли поделить пространство, и линия горизонта, разделяющая их, то оказывалась где-то снизу, то улетала вверх – из разу в раз. И вдруг остановилась на том же месте, где была изначально – Оскалов зацепил убегающую землю ногами. Затем встал, посмотрел на часы: десять пятнадцать. Еще есть немного времени, чтобы глазами охватить летний город.

Он пересек сквер – в его середине был белый, как будто мраморный, фонтан с ламинарными струями. Вода в них казалась стеклянной, застывшей в лучшем своем состоянии – мертвой. А может, это вообще была не вода? Дальше какой-то широкий проспект, ранее предназначавшийся для машин. Теперь посередине шли черные магнитные рельсы, и где-то вдалеке по ним плыл невесомый трамвай. Оскалов пошел отсюда в сторону мелких улиц, закрытых дворов и подлинной тишины – сонности большого города... Города, который старше Оскалова вдвое.

Сначала люди здесь, как и везде, жили в безвременье – тысячи лет проходили бесследно, почти никак не влияя на быт и облик поселения. Поколения сменялись, не умея накопить опыт, – поэтому потомкам приходилось переоткрывать изобретения предков, в сущности, стоя на месте в развитии. Но где-то, в бесконечно повторяющемся жизненном,

цикле случилось чудо – случайным образом пламя прогресса зажглось в головах людей. Появилась письменность, которая дала фундамент для накопления знаний. Сообщение между разными поселениями дало возможность обмениваться опытом, умножая его многократно. Механизм скрипнул и пошел, набирая обороты; сначала неспешно, почти неотличимо от неподвижности, а потом все быстрее и быстрее, сметая на своем пути все препятствия.

Бесформенные хибары стали сменяться деревянными избами – теплыми и сухими. Затем малоэтажные каменные строения, неподвластные огню, потихоньку вытесняли древесину. Потом уже на их место приходили краснокирпичные окончатые исполины, вмещающие в себя сотни семей одновременно. Дальше был железобетон, композиты и дома, силившиеся достать до неба... И все – на этом архитектурная ротация остановилась и даже отступила чуть-чуть назад, отойдя от бессмысленного гигантизма. Люди вновь погрузились безвременье – сытое, безопасное, вечное.

Наука неостановимо шла вперед: открывалась фундаментальная природа мироздания, решались математические и физические "вопросы тысячелетия", осваивался космос. Ученые грезили новой промышленной революцией, а за ней и так называемой "технологической сингулярностью", когда прогресс станет настолько быстрым и коренным, что изменит не только облик цивилизации, но и сознание каждого отдельного человека – новый виток эволюции. Научные от-

крытия должны были резко сказаться на жизни всех людей, но... не сказались.

Нет, были, конечно, изменения-улучшения: киловаттные аккумуляторы в смартфонах, экраны со стопроцентной передачей цвета, сверхбыстрый интернет по всей планете – да, но ничего более. По-настоящему новые технологии не шли в массы – их просто не покупали. Всех устраивал нынешний порядок вещей, и никто не хотел его менять.

Саша не понаслышке знал, что такое инертность сознания, когда человек противится не только изменениям в худшую сторону, но и вообще изменениям. Это страх перед неизвестностью? Может быть, но, скорее всего, это просто любовь человеческого мозга к наработке привычек. Действительно, зачем каждый раз напрягать весь этот невероятно сложный механизм, пропускать мысли через центры критического мышления, задействовать память или даже фантазию, если можно просто проложить прямую конвейерную линию из пункта А в пункт Б?

К тому времени, когда с начала бессмертия минуло больше двадцати лет, уже родилось и выросло новое поколение, морально подготовленное к вечной жизни. Дети, не знающие иного мироустройства – дети с планами на бесконечность...

– Эй! – крикнул чей-то очень высокий, даже писклявый голос.

Саша обернулся и посмотрел в ту сторону, с которой, как ему казалось, шел звук. Он стоял в центре двора, окружен-

ного длинными многоподъездными домами. К нему со всех сторон вели узенькие выложенные камнем дорожки, и на небольшом удалении от них начинались кусты. Саше показалось, что крик шел оттуда.

Увидеть владелицу голоса не удавалось, зато Оскалов заметил мальчика в желтой кепке, бегущего на крик. Саша стал за ним наблюдать: сначала, пробежав несколько метров вдоль дорожки, он остановился и начал пристально высматривать шевеления в кустах. Потом, видимо, ничего не обнаружив, мальчик обежал растительность и стал вглядываться в те же кусты с другой стороны. Он тянулся всем телом, вставал на цыпочки, подпрыгивал, но никак не мог увидеть свою подругу. Вся эта сцена продолжалась несколько минут. Потом, отчаявшись, он крикнул:

– Так нечестно!

Ответа не последовало. Тогда мальчик снял с головы кепку – при этом она удивительным образом изменила свой цвет с желтого на темно-коричневый. Держа ее в руках, он потыкал в козырек. От его нижней части отслоилась тоненькая пластинка и повисла на самом краю. Она как-то странно переливалась, будто меняя свою прозрачность – становясь то абсолютно черной, то зеленой – под цвет травы на заднем плане. Мальчик надел кепку обратно на голову (она снова пожелтела), и пластинка теперь висела прямо перед его глазами. Отсюда не было возможности разглядеть, что конкретно в ней видел мальчик, но, судя по всему, видел больше,

чем Саша своими глазами.

– Вот ты! Нашел! – он показал пальцем куда-то в зеленую гущу.

– Нет! – крикнула оттуда девочка, – Ты смотришь нечестно!

– А ты покрасилась! – парировал обвинение мальчик.

Кусты зашевелились и через некоторое время начали разделяться: от них в сторону мальчика двинулось нечто зеленое, бесформенное, покрытое со всех сторон листьями и ветками.

– Так можно! – писклявым голосом сказала мальчику зеленое чудовище.

– Мы не договаривались! – он ничуть не испугался и даже стал спорить с чудовищем.

– Договаривались! – ответило нечто.

– Это было в прошлый раз, сейчас не считается!

Листья на существе постепенно исчезали, и под ними начала виднеться маленькая фигурка девочки.

– Ладно, – подумав, и не без огорчения сказала она, – тогда давай сейчас договоримся, и я еще раз спрячусь.

– Ну уж нет, у тебя слишком хорошо стало получаться, – при этих словах зеленая кожа девочки налилась красками.

Оскалов улыбался. Девочка заметила Сашу, и чтобы не смущать ребят, он отвернулся от них и пошел – куда-нибудь, лишь бы не мешать детской жизни – настоящей, простой и интересной. Он улыбался всю дорогу, пока шел со двора, за-

тем подумал о чем-то. Лицо посерело: а почему вообще они здесь? Может, их отправят позже? А если нет?

После недолгих невеселых раздумий мысли вновь вернулись в колею истории. Именно в ней были все возможные вопросы и ответы. Там вообще было все, что могло случиться сейчас – здесь, в этом почти триста тысяч раз пережитом дне...

Наука. Да, она была. Были люди, которых в процессе познания не могло остановить ничто – ни катаклизмы, ни рай на земле. Они пытались двигать уже успевшее забронзоветь человечество вперед: к свету, к знаниям – новым и непостижимым, но таким простым, если жить с ними с рождения. Но родиться заново, не умерев, – невозможно. Да и не нужно.

Но появились дети. Им было интересно новое, недоступное их предкам, дающее возможность по-иному взглянуть мир. Они были готовы совершить следующий шаг: изменить свою жизнь и жизнь всего человечества. Но для того, чтобы это стало возможным, пришлось бы до основания снести все то, за что их родители держались всем своим унылым бытием. Нераскрытый потенциал молодого поколения давил, накапливался и так бы и сгнил, если бы не жертва, которую принесли ради друг друга любящие люди.

Все разрешилось просто и страшно: они улетели. Туда, где все надо строить с нуля, туда, где нет истории и нет тех, кто за нее держится. Сначала Марс, потом Венера, Энцилад, Европа... – вся Солнечная система. Наука ушла с Земли вслед за

ними – на передовой край колонизации и развития. Родители, желавшие своим детям большего, чем получили они сами, отправляли их все дальше от Земли. Это не просто расставание, когда любящих людей разделяет лишь расстояние, пусть большое, но измеримое – нет. Пропасть. В мышлении и культуре, в знаниях и повседневной жизни.

У Оскалова тоже были дети, и он тоже пережил расставание, непонимание, бессилие. Но по-другому нельзя. Нельзя затягивать в эту пучину новых и новых. Нельзя, будучи утопающим, тянуть за собой на дно всех без разбора, лишь бы не одному погибать – в компании ведь всегда веселее. Саша сделал свой выбор, как и многие; и оказался прав и чист перед собой. Хоть на том спасибо.

Но были и такие, кто не понимал, не верил и просто не хотел отправлять своих детей в будущее. Им самим нравилось жить здесь, и они не видели ничего плохого в том, чтобы их дети жили вместе с ними. «Наш дом – Земля, – говорили они, – Где родился, там и пригодился». Их можно понять, но нельзя простить.

Тот самый сосед, Аркадий Петрович, который сегодня лично поздравил Оскалова с днем рождения и звал "заходить к ним", был одним из таких. У него была большая семья, и все они жили здесь. Дети, внуки, правнуки... – целая династия, которой не видно ни конца ни края. Но чем дальше по генеалогическому древу, тем чаще в их семье случались случаи отправок или побегов, – дотуда уже не доставали

ло влияние Аркадия Петровича и его воззрений.

Можно было бы сказать: рано или поздно это кончится, — но так говорить слишком оптимистично. Скорее уж поздно, чем рано; а может быть и никогда. Так или иначе, это уже были не проблемы Саши, поэтому думать о них — лишь попусту тратить время...

Опять дворы. Дорога вдоль невысоких домов, стоящих в ряд по левую руку. В окне третьего этажа следующего по пути дома Оскалов замечает движение: оттуда с внушительной скоростью вылетает крупный серый предмет. Брошенный изо всех сил, он перелетает через дорогу и падает на землю рядом. Слышится удар, и, судя по всему, предмет теряет свою целостность.

Но Саша не успевает окончательно проследить его судьбу, так как за окном снова что-то происходит. Оттуда вслед за предметом вылетает толстая стопка бумаг. Брошенная с не меньшей силой, она имеет худшие аэродинамические и структурные характеристики и, пролетев несколько метров, разделяется на сотни отдельных листов. Следом за ней летит еще одна стопка. И еще.

Все это похоже на странный осенний листопад с большими белыми прямоугольными листьями. Они покачиваются из стороны в сторону, кружатся, трутся друг об друга, шелестя. Ветер подхватывает некоторые из них и разносит в разные стороны. Это выглядит очень непривычно и красиво. Воздушный белый вальс оканчивается внизу: спустя ка-

кое-то время земля вокруг окна начинает покрываться бумагой.

Один из листов ложится Оскалову в руки. На нем написано:

«Вывод:»

Дальше идет какой-то плотный научный текст, из которого выглядывают человеческие отчаянные слова: "непонятно", "нерешаемо", "невозможно". Внизу номер страницы: «485». Оскалов тщетно пытается вникнуть в суть проблемы, но теряется в нечитаемых терминах, условных обозначениях и ссылках. Он складывает лист вчетверо и кладет себе в карман – может быть, потом удастся понять.

В ногах лежат еще десятки листов. На них графики, формулы и тонны текста. Все вокруг покрыто тонким слоем какой-то научной работой. Кто-то трудился над ней не один год, и почему-то выкинул. Не смог решить задачу?

Окно, из которого все это выбросили, теперь закрыто. Основная масса бумаги уже опустилась, снова стало тихо. Лишь некоторые листы висят в воздухе, то опускаясь, то поднимаясь потоками ветра. Оскалов подходит к тому месту, куда упал первый предмет. Под налетевшими сверху листьями виднеются серые пластиковые обломки, стекляшки, провода и много цветного, непонятного, странного. Это изучали? Или этим изучали? Неизвестно.

Вокруг никого, Оскалов один стоит и смотрит на произошедшее с недоумением. Вдруг он снова слышит шелест, на

сей раз более далекий и громкий. Из-за дальнего дома вылетает огромная стая голубей и стремительно несется сюда, будто бы здесь раскидали не бумагу, а зерно. Сотни птиц садятся на ветки деревьев, растущих рядом. Их так много, что в глазах начинает рябить. Они внимательно смотрят вниз, оценивая ситуацию. Нет, это не статуи – то и дело в стройных рядах возникает мельтешение: кто-то чистит крыло, кто-то вращает головой, – но в основной своей массе птицы неподвижны и сосредоточены. Через минуту они, как по команде, срываются вниз.

Как в погоне за проворной добычей, они бросаются на лежащие листы с невероятной скоростью, хватают их клювами и лапами и уносят куда-то за зону видимости. На место улетевших приходят новые. Оскалов ощущает потоки воздуха от взмахов крыльев, некоторые из птиц пролетают на расстоянии вытянутой руки, другие вытягивают листы прямо из-под ног. За тяжелые обломки серого прибора разом берутся по несколько десятков крупных особей. Они поднимают их и неспешно, как нагруженные бомбовозы, улетают за ближайший дом.

Белый настил стремительно редет, число птиц уменьшается пропорционально. Перед Сашей на землю садится большой белый голубь и, задрав голову, смотрит ему в глаза. Оскалов, вспоминая о поднятом и спрятанном листе, говорит:

– Не отдам. Он мне нужен.

Птица, поняв его, улетает.

И все. Как будто не было ничего. Все чисто, не осталось ни одного листа, ни клочка, ни обрывка. На том месте, где приземлился прибор, лишь небольшая вмятина в земле и тоже – ни обломка. Все окончательно вернулось в норму; никто, кроме Оskalова, и не заметил.

Не имея пока возможности переварить произошедшее, Саша ковыляет к ближайшей скамейке и тяжело садится на нее. Отсюда видно то самое окно: теперь оно занавешено. Что это было? Почему? Оskalов кладет голову на спинку и закрывает глаза...

Ну с птицами все понятно: это подарок. Спасение от мусора, данное землянам за былые заслуги от жителей других, более продвинутых планет. Такая "накачка извне" новыми технологиями началась почти сразу, как эти технологии появились. Штабелями свозили невообразимые вещи: бери, пользуйся! Счастье для всех даром, и пусть никто не уйдет обиженным!

Все это копилось, пылилось, что могло гнить – гнило. Никому не было дела ни до земных, ни до неземных изобретений. Но такие фундаментальные проблемы, как загрязнение природы, требовали инновационных решений, иначе последствия могли быть катастрофическими для земного человечества. И в порыве сыновней любви потомки решили за землян все проблемы. Причем сделали это незаметно, чтобы никого не смущать.

Вообще, новые вещи могли быть приняты, только если они полностью мимикрировали под старые и привычные. Хорошо подошли животные. Скорее всего, это были синтетические птицы, целью существования которых была очистка улиц, и с этим они справлялись отменно. А может, все вообще было не так, и это настоящие птицы, обученные, запрограммированные на такое. Или ему вообще показали мультик, а на самом деле бумага провалилась сквозь землю. Все это неважно.

Но вот научная работа... Кто-то еще что-то изучает? Здесь? Сейчас? Немыслимо...

3

В темноте под опущенными веками кажется, что Саша один во всем мире. Что нет вокруг ни деревьев, ни домов, ни улиц, вообще ничего нет – чистый вакуум. Если вначале еще что-то мерцало (так в глазах, привыкших к свету, ложно срабатывали рецепторы), то теперь стоит полная, чернильная темнота.

Ему вдруг становится страшно. Сердце начинает биться сильнее, выступает пот, учащается дыхание. Все в мире заполнено этим дыханием. Саша убирает его, задерживает в себе, стремясь понять, есть ли в мире он сам. Мир абсолютно пуст. Оскалов не выдерживает и открывает глаза. Все на месте: дома, улицы, деревья, руки и ноги. Ветер шевелит волосы. Оскалов начинает думать, чтобы доказать себе, что существует...

А что, собственно, было дальше в потоке истории? Он вспомнил только первое столетие, до которого он, если повезло бы, смог бы дожить и собственным здоровьем. А что дальше? Что в оставшихся семи сотнях? Вспоминать не хотелось. Но это нужно было для полноты картины, для окончательного и бесповоротного осознанного решения. О себе самом ему вспоминать не хотелось вдвойне, поэтому он выбрал меньшее из зол...

Здесь все встало, да. Никакого прогресса – остановка. Но

было ли это свойством конкретного земного человечества? Было ли это связано со сложившимся обществом, культурой, временем? Неужели достаточно просто убежать отсюда, и все сразу станет по-другому? Человек невероятными усилиями сменит свой социальный облик и пойдет вперед? Увы, нет.

Оказалось, что это свойство человека, его биохимическая природа, его суть. Бессмертие не предполагает развитие – лишь сохранение. Как муха в янтаре, как мамонт во льдах. Это проявилось на практике, когда прогресс через полвека застыл на Марсе, еще через полвека на Венере и дальше по списку. Люди там также перестали хотеть нового, детей также отправляли вперед, чтобы те через полвека также вмерзли в свою эпоху.

Идти в истории было можно, но недалеко, до определенного момента: кто-то – раньше, кто-то – позже, – но срок крошечный, несравнимый с вечной жизнью. Развитие было похоже на фронт волны, распространяющейся в пространстве со скоростью колонизации. Тонкое свечение по краешку. За этой расходящейся волной оставались населенные, застывшие во времени планеты.

Все пришло к логическому завершению лишь тогда, когда случилась та самая пресловутая "технологическая сингулярность". Волна, достигнув края Солнечной системы, ускорила свое движение многократно и спустя какое-то время докатилась до ближайших звезд, преодолев огромные расстояния

за считанные десятилетия. Но были ли это еще люди?

Когда оставшиеся человечество задало им вопросы, на которые люди не смогли ответить за всю свою историю, простые и понятные в своей постановке:

– Что такое реальность?

– Случайна ли жизнь?

– Есть ли истина?

Они печально посмотрели на нас и сказали:

– Это невозможно объяснить вашими языками и понять вашим сознанием. Простите.

И все. Скорее всего, с их стороны говорить с нами – это то же самое, что нам говорить с кошками и собаками. Мы их понимаем, любим, но они не могут понять нас в мере, необходимой для общения. Было ли людям обидно? Настолько же, насколько кошке или собаке – ни капли. Мы просто не поняли обиды, за которую они извинились...

На часах: полдвенадцатого. Пора. Оскалов встал со скамейки и пошел, уже не сворачивая и не останавливаясь. Саша знал маршрут отменно, бывал в том месте: бродил вокруг, смотрел, думал, но ни разу не заходил. Все когда-то бывает в первый раз...

Длинная прямая улица, по сторонам дома, между домов просветы, в просветах дворы, во дворах люди. Чем меньше в голове мыслей, тем чаще мелькают просветы. Так несколько кварталов, и надо будет сворачивать на еще более длинную и прямую улицу – проспект. По нему еще немного пройти, а

там... Там уже конечная. Чтобы отсрочить момент, когда перед ним откроется дверь в неизвестность, Саша решает наполнить время мыслями, загустить его, замедлить течение. Он начинает с первого витающего в голове вопроса: что такое жизнь?

Жизнь – это движение. Но куда? По кругу?

Природные циклы из года в год повторяют одни и те же процессы: выпадение осадков, смена дня и ночи, смена времен года. Жизнь подстраивается под них, изменяясь, адаптируясь к внешним условиям: миграции животных, сезонное изменение окраски, сон. Но каждый раз после прохождения очередной итерации все возвращается в ту же точку, из которой вышло. Такие изменения обратимы, временны и ни к чему не ведут.

Но есть что-то еще – внешнее, не входящее в жизнь, находящееся между смертью и новым рождением, – эволюция, развитие. Это общее движение в каком-то выраженном направлении – путь, ведущий к цели – сама цель. Цель необходима, без нее жизнь представляет собой лишь бесконечное самовоспроизведение. В таком случае нет разницы между живым и неживым, одно – лишь более подвижная форма другого.

Еще есть люди. Они могут осмысливать мир, менять его под себя, даже уничтожать. Они сами могут ставить цель и эволюционировать искусственно. Но осуществимо ли это в рамках одной человеческой жизни?.. Оскалов был твердо

уверен, что он никогда не достигнет цели. Не потому, что она недостижима – это совсем не играет роли – а потому, что его движение к ней было невозможно. Ничье движение. Кто мог, тот ушел вперед, всем остальным – уже поздно.

И что остается? – вечный цикл.

Удовольствие, испытанное тысячу раз, превращается в обыденность. Неприятность, испытанная тысячу раз, остается неприятностью. Жизнь, прожитая восемь раз, ощущается как существование. Нет, конечно, не все еще прочитано, просмотрено и прослушано. Можно выискивать "новые" идеи, образы, знания (если их удастся понять). Можно занять себя на века, тысячелетия... Но что же будет с людьми, когда и это закончится? Единственное спасение для человечества – повальная амнезия. Да будет так.

Но все же, может, есть и иной путь? Если...

– Иисус Христос любит тебя, – с напевной интонацией проговорил кто-то над ухом.

Оскалов вздрогнул. Вырванный из размышлений, он беззащитен перед внешним миром – голова занята совсем другим. Саша машинально поворачивается на звук.

Рядом с ним идет человек. Он одет не так, как все в этом солнечном городе: длинные штаны, рубашка с рукавами, на плече лежит что-то черное – может, накидка. В руках тоненькая черная книга, в глазах одухотворение. Лицо, как у всех, – без возраста. Он идет и смотрит на Оскалова снизу вверх, спешит, стараясь угнаться за его широкими шагами, ждет от-

вета на свою реплику.

Саша чувствует раздражение, ему хочется вернуться в мысли, додумать что-то важное, успеть.

– Иисус Христос любит тебя, – вновь произносит человек, повторяя ту же интонацию.

– Я знаю, – говорит ему Оскалов и отворачивается, смотрит на дорогу, ищет там потерянные мысли.

– Ты знаешь что-нибудь о Боге? – от быстрого шага одухотворенность спадает с лица, напевные интонации слабеют.

– Да, я родился до бессмертия, – Саша хочет отмахнуться, убежать, но бежать некуда.

– Сколько тебе лет? – интонации окончательно приобретают человеческий вид.

Оскалов называет цифру.

– Куда ты так спешишь? – человек говорит это без обиды, без укора, ему просто интересно.

Саша сбавляет шаг, по-новому смотрит на попутчика и вдруг понимает, что он не встречал таких очень давно – людей с идеей.

Оскалов называет ему адрес.

Человек меняется в лице, хмурится, потом внимательно смотрит на Оскалова. Он идет все медленнее, затем и вовсе останавливается. Саша не хочет бросать его так, поэтому тоже останавливается. Человек начинает говорить – серьезно, без толики фальши:

– Передай Богу, что мы не забыли о нем.

Оскалов кивает – медленно и серьезно, чтобы не обидеть.

Человек протягивает книгу:

– Возьми, может, пригодится.

Оскалов берет ее, не глядя; говорит:

– Прости...

– Нет-нет, я все понимаю, – перебивает человек, – надо было раньше, что уж теперь. Я не вправе мешать тебе, иди.

Саша опять кивает. Смотрит на часы. По ним видно, что лишнего времени нет. Он смотрит на человека и видит в нем что-то такое, что протягивает руку. Человек жмет ее крепко, разворачивается и идет обратно, туда, где он ждал заблудших. Оскалов смотрит ему вслед, затем опять на часы. Нет времени. Он начинает идти в нужном направлении.

В руках книга, на ней написано: «Завет».

«Новый или старый» – думает Саша.

Открывает, смотрит: там сто страниц. Сам он не верит в высшие силы, даже не рассматривает их физически. Единственное, как они могут влиять на мир – это через людей, верящих в них. И оказывается, что такие еще есть. Это ли не чудо?

Книжка тонкая и гибкая, Оскалов складывает ее вдвое и убирает в карман. Она влазит туда аккуратно, лишь давит, стремясь раскрыться и дать себя прочесть. Потом. Все потом...

Проспект. Впереди виднеется неприметное серое здание. Нет ни вывески, ни указателя – незнающий человек пройдет

мимо, даже не догадываясь об истинном предназначении места. Оно называется "ultimo modo", что в переводе с латыни означает "последний способ". Красивое название.

Саша останавливается перед ним, как раньше; смотрит. Абсолютно ничего особенного. Так, наверное, и должна выглядеть смерть. Ноги почему-то горят. Судя по всему, он почти бежал последние четыреста метров и (он смотрит на часы) обогнал время: без пяти минут двенадцать. Можно сбавить темп и немного напоследок подумать.

Оскалов выдохнул и осмотрелся – хотелось еще раз увидеть то, от чего он отказывался. Все те же дома, стоящие в ряд; между ними широченная улица, и на ней толпы людей. Они идут, неспешно вышагивая по брусчатке, обтекают Сашу, стоящего посередине, никуда не смотрят, ничего не видят. Они отдыхают от вечности – она, как известно, очень утомительна.

Нет, смотреть надо не наружу, а внутрь, внутрь себя. Что там?

Там тоже, что вокруг – пустота. Нет жизни – нечего терять. Триста тысяч дней по одной схеме: проснулся, уснул. А между... а между – пусто. Почти не было зацепок в памяти. Был сплошной однородный поток из разреженных событий и рутины. В нем тонули мысли и идеи, возникающие в моменты, когда организм все же приходил в себя из вечно-го состояния привычки. Да и мысли эти были безрадостны. Организм отвергал их, силился сохранить статус-кво, не хо-

тел опасных изменений.

Но мысли, сформированные подсознанием, все же проникли в разум и запустили необратимый процесс: и вот он уже стоит здесь и смотрит на серое здание. Страшно ли? Пока нет. Рубикон еще не перейден: еще можно рвануть со всех ног куда-нибудь подальше, оттянуть момент еще на некоторое время, отсидеться, забыться. Можно, но от себя не убежишь. Так что нечего тянуть.

Оскалов вышел из людского потока и ступил на серую плитку лестницы. Раз. Два. Три. Ступени закончились. Серая дверь без ручки. Справа кнопка: «динь-дон», – это прозвучало лишь в голове, на деле звука не было и быть не могло. Оскалов начал ждать.

Он несколько раз видел со стороны людей на своем месте: все они также стояли и мялись перед серой неизвестностью. Они были самыми обычными, неотличимыми от бесконечного потока вокруг. Они отделялись, отпочковались от него и подходили к двери. И...

– Здравствуйте, вы кто? – заговорила кнопка.

– Я... Александр Оскалов. Я... – он подбирал нужное слово, – Я по записи.

– Секунду, – ответили ему на это.

Прошло некоторое неизмеримое время, за которое Саша успел изучить весь гранитный узор вокруг кнопки.

– Да, проходите.

Послышался тихий шелест, и дверь сдвинулась со своего

места. Она отступила чуть-чуть назад и проскользила в сторону, освобождая проход. За ней было темно. Оскалов сделал шаг во мрак. Дверь снова прошелестела, отсекая оставшийся уличный свет, и мрак превратился во тьму. В глазах у Саши стоял белый туман, высвеченный ярким летним солнцем.

Здесь было прохладно – не в пример уличной жаре. Стояла сухая тишина. Глаза потихоньку подкручивали яркость, и вот впереди уже начинали виднеться желтые освещенные пятна; их ограничивали стены, вдоль которых, судя по всему, и нужно было идти. Узкий коридор вывел Оскалова в небольшую приемную.

– Здравствуйте еще раз, – раздался женский голос.

– Здравствуйте, – Оскалов еще не до конца привык к слабому свету и говорил неизвестно кому.

– Проходите сюда. Вот стул – садитесь. Извиняемся за такое освещение: экономим электроэнергию.

– И много уже наэкономили? – Саша шагал на голос, ища руками тот обещанный стул.

– Вот вы смеетесь, а нам счетчики ставят, – ответила девушка.

Теперь Оскалов различал ее, сидящую за дубовым столом в углу помещения. Он подошел и аккуратно сел перед ней на дубовый стул.

– Вам назначено на двенадцать, верно? – Она смотрела в экран компьютера, стоящего на столе.

– Да.

– Подождите немного, нужно заполнить бланки.

Тонкие пальцы девушки прыгали по клавиатуре, вводя данные Саши, из которых в недрах вычислительной машины в дальнейшем формировались очень важные отсчеты и статистики. Быстрые и точные движения рук завораживали, мягкое шелканье клавиш успокаивало.

Вдруг у Оскалова в голове зажглась ослепительная мысль: вопрос, который он тут же и выложил:

– А почему вы здесь работаете? Зачем?

Девушка посмотрела на него и ответила:

– А почему нет? Лучше, чем, как все – ничего не делать.

Саша кивнул. Мысль погасла. Оказалось, что это все он тоже уже обдумывал, просто не сразу вспомнил.

– Что, хотите к нам? – девушка печатала, краем глаза поглядывая на Оскалова.

– Нет, не хочу, – серьезно ответил ей Оскалов.

Дальше не говорили. Девушка заполняла десятки бланков, необходимых для процедуры, Оскалов прикладывал пальцы к дактилоскопу, подтверждая свои намерения. Все это тянулось и тянулось – может, специально для того, чтобы пришедший передумал, сказал себе: «Вот я дурак», – и пошел домой, вздрагивая от мысли: насколько он был близок. А может, просто безопасность.

Потом все же кончилось. Девушка сказала:

– Ну вот, последний.

Саша приложил пальцы. Она зачитала формулировку: что-то про трезвый ум и твердую память. Он сказал:

– Подтверждаю.

И все.

Девушка посмотрела на него и спросила уже сама, своими словами, а не канцелярскими репликами:

– Вы уверены?

– А вы? – вопросом на вопрос ответил Оскалов.

– Я? В чем? – удивилась она.

– В том, что завтра вы не будете на моем месте.

Девушка помолчала, смотря Оскалову в глаза. Затем ответила:

– Не знаю.

– Вот и я не знаю, – сказал Саша, – давайте дальше по регламенту.

Дальше по регламенту был коридор, ведущий из приемной в одну из "палат".

– А какой у меня номер, если не секрет? – спросил Оскалов все у той же девушки, которая теперь вела его.

– Третий.

– Ну хоть не шестой, – Саше почему-то хотелось шутить.

– У нас их всего пять, – ответила девушка.

– Пять? Так мало? – удивился Оскалов.

– А сколько нужно? Миллион?

– Нет, просто я думал... А сколько у вас в день "клиентов"? – поинтересовался Саша.

– По-разному, – сухо сказала девушка.

– Ладно, не хотите – не отвечайте.

Мелькали одинаковые темно-серые двери, рассыпанные по стенам коридора. Номеров не было, и было непонятно, как среди них можно найти нужную. Вдруг девушка остановилась, нажала куда-то в стену, и ближайшая дверь отъехала в сторону. За ней показалась небольшая бледно-зеленая комнатка со стулом, маленьким столиком и вешалкой.

– Сюда. Вы посидите здесь, пока подготавливают оборудование. Когда закончат, я скажу вам по репродуктору. Дальше вы пройдете за вот эту дверь, – она показала рукой на серый прямоугольник в стене комнатки, – Там нужно будет надеть маску и включить подачу усыпляющего газа – там будет кнопка, вы увидите – и все, дальше вами займутся.

Оскалов кивнул и вошел в комнату.

4

На столике лежали:

Цветастая открытка с тортом и поздравлениями,

Лист бумаги с двумя линиями сгиба и выводом научной работы,

Черная книжка с золотой надписью "Завет".

Оскалов смотрел на эти вещи и думал о том, какой странный сегодня день. Обычно ярких событий не бывает, а сегодня сразу много, и все они могли бы иметь продолжение.

Он взял в руки открытку.

Когда утром, несколько часов назад, Саша прочел ее в первый раз, он не обратил внимание на последний абзац. Там, после шаблонных поздравлений, было приглашение. Подруга звала его в экспедицию на север – за полярный круг. Она не объясняла зачем и как, но просила прислать ответ, если Оскалов захочет принять участие. Можно было бы не писать, а сразу ехать на обратный адрес, разузнать все лично и отправиться – конечно, отправиться – на север. Почему нет?

Перед глазами стелилась белая безлюдная пустыня с тоннами снега. На нем – непрерывные следы от вездеходов, уходящие за горизонт. Они едут на них к оси мира, чтобы встать на ней и смотреть, как звезды вращаются вокруг, как весь мир вращается. Полугодовая полярная ночь с невероятно

красивым зеленым переливающимся сиянием сменяется полугодовым полярным днем с вечным закатом и солнцем, лежащем на горизонте...

Оскалов положил открытку на стол.

Взял листок с выводом.

Опять погрузился в него и вроде стал что-то понимать. Выходило так, что какие-то расчеты по каким-то причинам не сходились. Нарушался первый закон термодинамики – энергия в системе бралась из ниоткуда. Вечный двигатель? Это интересно. Можно было бы пойти к тому дому, вычислить квартиру по окну и постучаться, поговорить, узнать, помочь.

Оскалов уже видел, как они вместе с неизвестным исследователем проводят эксперименты на чем-то неземным, чем-то невероятным и, конечно, красивым, присланным откуда-нибудь с Цереры. Они корпят над расчетами, не спят ночами и думают, думают, думают. И наконец приходят к долгожданному решению – они не могут не прийти к нему, так все это уже открыл человек когда-то...

Оскалов положил лист на стол.

Взял "Завет".

Открыл сразу на последней странице и увидел то, что хотел – адрес. Туда тоже можно прийти и спросить: «Кто вы? Сколько вас? Во что вы верите в мире, где никто ни во что не верит?» Они расскажут. И Саша сам поверит – не в Бога, но в людей. И он будет говорить с ними – много и долго, об-

суждая мир, природу и время, и все, что можно обсудить.

Они сядут где-нибудь и будут часами разглагольствовать, спорить, пытаться переубедить друг друга, и у них, конечно, не выйдет. Но тем интереснее, тем живее, и рано или поздно они придут к чему-то новому, чему-то, до чего одному дойти невозможно. Может, в этом и будет прогресс?..

Саша положил книгу.

Все это ложь.

Если он выйдет отсюда, то снова вернется к старой бесполезной жизни. И будет только хуже. Он никуда не пойдет, ничего не сделает и не узнает. Почему? Да потому что он сам такой же, как и все. Все, что Оскалов ненавидел в людях, было в нем самом в не меньшей степени. И побороть это было невозможно – только понять и принять к сведению при окончательном решении. До которого осталось совсем уже вот чуть-чуть...

И вдруг вспомнилось. Стихотворение, которое он выучил когда-то совсем давно просто так, из-за созвучия. Оно называлось «Скала». И Саша начал читать – легко, как будто каждый день тренировался, без запинок и оговорок:

«На берегу стоит огромная скала,
Вершиной всем заметна на просторе.
Подножие хлестает злое море
И очищает её склоны добела.
И даже мох сдувают с неё вскоре
Морские дикие солёные ветра...»

Сначала тихий, собственный голос наполнял Оскалова изнутри и выходил наружу, в бледно-зеленую комнатку. И казалось, что стены вторят ему:

«... Скала стоит здесь очень многие года

И думает о том, что будет вечна,

Всё так же монолитна, безупречна,

Но одиночеством отравлена всегда.

И мир пустой – незримо бесконечный –

Не сможет дать ей никого и никогда...»

Заговорил невидимый репродуктор:

– Проходите, Александр Семенович. Пора.

Отодвинулась дверь, открывая путь в белое кафельное помещение. Саша встал и, продолжая читать, пошел туда.

«... А у вершины – между небом и землёй –

Большие невесомые летают,

О мире этом всё, что можно, знают,

Несутся в водный край, для них самих большой;

И с высоты скалу не замечают,

Без передышки говоря между собой...»

Перед Оскаловым стояла кушетка, на которую можно было полулечь. На ней лежала маска со шлангом, уходящим внутрь белого шкафа на колесиках, стоящего рядом. На нем была одна-единственная кнопка. А на стене перед кушеткой висела картина: темно-фиолетовое спокойное море. Саша сел и продолжил:

«... И облака ведут свой длинный разговор,

Тот мир за горизонтом словом мера.

Скала внимает, им с опаской веря,

И чутко слушает ветрам наперекор

О том, что есть зелёные деревья,

Они растут на ровных склонах мёртвых гор...»

Оскалов взял в руки маску и посмотрел на себя в отражении пластмассы.

«...Живые сами – пусть не так уж высоки –

Они растут и завтра будут выше,

И пьют дожди, и солнцем жёлтым дышат,

Их тени падают на грунт – всегда легки.

А свежий ветер листья им колышет –

Ему с живым бороться вовсе не с руки...»

Нажал на кнопку шкафа, он еле слышно загудел. Из маски послышалось тонкое шипение. Оскалов надел ее, не дыша, и снова посмотрел в фиолетовое море. Затем набрал в грудь этого мертвого газа и продолжил уже им:

«...Скала глядит на эту небыль – дивный сон –

Несбыточные, милые ей грёзы.

Она мечтает быть живой, но поздно:

Ее гранитный остов крепко прикреплён.

Она дрожит. И камни, будто слёзы,

С вершины падают – удар и всплески волн».

Стоит тишина.

Нет ни звука.

Ничего нет.